
ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Рецензия на книгу В.Н. Рябцева

«Геополитическая проблематика в работах отца и сына Вернадских в годы Гражданской войны на юге России»

Ростов-на-Дону: Изд-во «Фонд науки и образования», 2018. 112 с.

Едва ли в современной российской науке найдется другой профессионал, столь же целенаправленно и продуктивно, как ростовский исследователь В.Н. Рябцев, работающий в области истории российской геополитической мысли XX столетия. Достаточно отметить вышедший в 2015 г. фундаментальный трехтомник «Геополитическая мысль в России за последние 100 лет: 1914–2014 гг.» (Ростов-на-Дону: «Фонд науки и образования»), а также исследование «Геополитическая мысль в России в преддверии, во время и после окончания "Второй Великой Смуты"» (М.: АИРО-XXI, 2017. 608 с.).

Две работы были опубликованы В.Н. Рябцевым и в 2018-м году. Выпущенная столичным издательством «АИРО-XXI» монография «Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы» представляет научный труд, развивающий темы, поднятые автором в трехтомном издании. Очевидно, что анализ данной масштабной, комплексной работы (670 с.) предполагает исследование, далеко выходящее за рамки небольшой рецензии. Поэтому остановимся на второй из выпущенных книг. Тем более, что оба издания тематически и содержательно глубоко взаимоувязаны и переплетены.

«Геополитическая проблематика в работах отца и сына Вернадских в годы Гражданской войны на Юге России» посвящена изучению теоретических позиций в области геополитики двух выдающихся деятелей отечественной науки первой половины – середины XX в. Но изучением основных констант и эволюционной динамики данных взглядов В.Н. Рябцев не ограничивается, создавая широкое полотно жизни юга России на одном из переломных отрезков российской истории.

Предельно динамичное и хаотическое, это время являло все признаки исторического «межвременья». Февральская, а затем Октябрьская революции;

установление советской власти и быстрая ее ликвидация в большинстве регионов страны усилиями белогвардейцев, иностранных армий или вооруженных националистов; создание множества режимов и стремительная их смена – вот внешняя социально-политическая декорация, на фоне которой протекала в эти годы российская научная и культурная жизнь.

Среди ее отличительных признаков – огромный общественный энтузиазм, находящий выражение в создании множества новых творческих объединений и групп, активной издательской и выставочной деятельности, организации учреждений культуры, науки и высшей школы. Притом, что война, разруха, голод; политическое противостояние, раздиравшее общество; наконец, полная бытовая неустроенность населения – казалось бы всё работало против творческой деятельности.

А политическая чересполосица со своей стороны придавала географии отечественной культуры этого времени неустойчивость и небывалый динамизм. С начала 1918 г. начинается массовый исход деятелей культуры из столиц и крупнейших городов центральной России в регионы, контролируемые белогвардейскими режимами и прежде всего на юг, где позиции противников советской власти были наиболее устойчивы. Не только крупные, но и многие небольшие южнороссийские центры на короткое время становятся средоточиями деятельности столичной культурной элиты.

Детально воспроизведенная В.Н. Рябцевым на страницах книги география маршрутов Вернадского-отца, охватывавшая в эти годы значительную часть исторической Новороссии (едва ли не все ее значимые социокультурные центры от Киева до Екатеринодара) – наглядная иллюстрация предельной неустойчивости данного времени, носившего все черты периода «перемен», стремительного транзита российской государственности от царской к советской империи.

Отдельный вопрос, насколько в условиях эфемерных социально-политических режимов белогвардейского юга могла быть продуктивной исследовательская деятельность, предполагающая размеренный труд и достаточно обеспеченную комфортабельную жизнь, к которой привыкла российская научная общественность в имперский период.

Был ли смысл в этой лихорадочной суете, протекавшей в ситуации предельной политической неопределенности? Зачем было предпринимать массу усилий, без какой-либо уверенности, что все устроенное не окажется сметен-

ным в ближайшем будущем «альтернативной» властью? Может данные действия являлись абсурдом, объясняемым только крайне активным характером русского культурегерского сообщества, неспособного к творческой паузе даже в условиях жесточайшего гражданского противостояния?

Эти абсолютно резонные вопросы находят свой ответ в реальной социокультурной практике Юга России рубежа – начала 1920-х. Удивительно, но значительная часть инфраструктурных проектов, реализованных в это время прибывшими в регион столичными деятелями культуры и науки, в дальнейшем была сохранена советской властью. Созданное на зыбком фундаменте, оказалось куда устойчивей самих политических режимов, при которых оно возникло.

Рубеж 1920-х совсем не располагал к научным открытиям и социокультурной работе. Но не перечеркивал саму их возможность. Очевидно, что на все эти начинания был объективный запрос общества (и самого времени, несмотря, на все перечисленные выше «отягчающие» его характеристики). Люди, создававшие творческие объединения, открывавшие в южнороссийских центрах театры, университеты, научные организации, безусловно, чувствовали эту идущую снизу мощную социальную тягу; жажду знания и желание включиться «в культуру» тысяч и тысяч людей.

Время немислимым образом соединяло в себе «штурм неба» и падение в социальный ад. Мировая война и революция – события эпохального масштаба, открыли невиданные социальные горизонты, требовавшие своего культурного и комплексного научного осмысления. Параллельно невиданному валу разрушений и деформаций (точней в противоречивом до антагонизма сопряжении с ним) крепла надежда на прорыв в новое социальное бытие, росла мощная волна общественного энтузиазма и социокультурной активности.

Книга В.И. Рябцева – прекрасная иллюстрация этого сопряжения и его противоречивых результатов, среди которых были и достижения, на которые оказалась неспособна императорская Россия. Речь, прежде всего о крупных инфраструктурных проектах, создании значимых культурных и научных учреждений, сохранившихся и после падения белых режимов.

Один из них – Академия наук Украины, в организации которой деятельное участие принял старший Вернадский. Определение основных принципов ее устройства и дисциплинарно-отраслевой структуры, как и характера взаимодействия с Российской Академией являлось предметом серьезных споров

и разногласий в среде научной общественности послереволюционного Киева. И данный сюжет, анализ различий в подходах В.И. Вернадского и М.С. Грушевского по центральным вопросам организации Академии наук Украины, один из наиболее интересных в книге.

Не менее содержательно значим и проведенный В.Н. Рябцевым сравнительный анализ мировоззренческих позиций отца и сына Вернадских, особенностей их взглядов на прошлое и будущее России. Отдельно отметим выполненный в книге обзор ряда статей на исторические темы, опубликованных младшим Вернадским в 1919 г. в симферопольской газете «Таврический голос». Из множества присутствующих в них геоисторических идей и сюжетов В.Н. Рябцев выделяет четкую мысль Г.В. Вернадского о глубокой органической взаимосвязи российской государственности и русского народа, как основного создателя и хранителя исторической и современной России.

При всех возможных недостатках и пороках российской государственной машины именно она на протяжении веков оставалась одним из центральных факторов успешного развития; демографического, пространственного, социокультурного роста русского народа, превративших его в петербургский период в трансконтинентальный суперэтнос, один из крупнейших народов планеты.

Любая системная реформа России, не принимающая в расчет данного обстоятельства, оборачивается прямым ударом по русскому народу, на который, как правило, приходится и самые значительные социодемографические потери. Что в полной мере было подтверждено и последней русской смутой, выпавшей на конец XX в.

Проведенный В.Н. Рябцевым анализ мировоззренческих основ отца и сына Вернадских обнаруживает известный парадокс. Действительно, В.И. Вернадский, остро чувствующий планетарный характер науки и научного поиска, при всей любви и привязанности к России, по своим базовым личностным установкам был скорее «глобалистом», гражданином мира, готовым заниматься исследовательской работой и за пределами родины, если условия жизни внутри страны сделают научную деятельность невозможной¹.

Младший Вернадский, один из видных деятелей евразийства, глубоко осознававший синтетическую сущность России, не ограниченную европейским на-

¹Характерна запись из его дневника, сделанная в крымский период жизни ученого (4 апреля 1920 г.): «Завтра еду в Симферополь. Начинается новый период жизни. Как долго и куда приведет? Цель ясна: Лондон и Америка, но когда достигну?» [цит. по: Рябцев. Указ. соч. стр. 61].

чалом, внутренне был куда более глубоко укоренен и привязан к родине. Причем не только своими теоретическими взглядами, но и как специалист по российской истории, т.е. непосредственно объектом/предметом своей научной деятельности.

Именно Вернадского-отца – естествоиспытателя с мировым именем, уже в начале 1920-х гг. можно было бы с большой вероятностью увидеть профессором одного из крупных европейских или американских университетов. А евразиец-сын приняв (простив, так или иначе, оправдав) новую власть должен был остаться в советской России. Но жизнь сложней умозрительных схем. Глобалист В.И. Вернадский стал одним из ведущих деятелей советской науки, добровольно вернувшись в СССР (1925 г.) после длительной заграничной командировки. А сын навсегда покинул родину, выбрав судьбу ученого-эмигранта, в течение жизни вынужденного переменить множество стран и мест работы.

В обоих случаях сделанный выбор был вынужденным, дался крайне тяжело. И книга В.И. Рябцева – прекрасная иллюстрация глубочайшего русского разлома, разрушившего не только огромную державу и общество, но прошедшего через миллионы семей. Зачастую даже в тех случаях, когда родственники не стали идеологическими антагонистами. Семья Вернадских, несмотря из известные мировоззренческие различия отца и сына, безусловно, была из их числа, оставаясь образцом высоких традиций русской интеллигенции. Но и такие семьи на рубеже 1920-х гг. встали перед выбором, определившим всю их дальнейшую судьбу. И этот выбор, зачастую, не предполагал положительных вариантов, ограничиваясь различными версиями человеческой трагедии.

Впрочем, существенно различались эти версии и степенью, концентрацией трагического. Разорвав семью Вернадских на советскую и зарубежную части, молох русской истории пощадил ее членов – отец и сын Вернадские жили долго и «умерли в своей постели». О чем также повествует книга В.Н. Рябцева – издание, которое несомненно будет полезным/необходимым всем, кто интересуется историей русской общественной мысли XX в., прошлым юга России; особенностями становления и развития южнороссийской науки.

Доктор философских наук С.Я. Суцкий